

УДК 34

DOI 10.36511/2078-5356-2019-4-159-162

Конев Андрей Николаевич
Andrey N. Konev

доктор технических наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник

Академия управления МВД России (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)

doctor of technical sciences, candidate of sciences (law), associate professor, head

Academy of management Ministry of internal affairs of Russia (8 Zoe and Alexander Kosmodemyan-skih st., Russian Federation, 125171)

E-mail: press_akadem@mvd.gov.ru

О некоторых особенностях теоретического осмысления разыскной идеологии уголовного судопроизводства

About some features of theoretical understanding of search ideology of criminal proceedings

Статья посвящена исследованию особенностей теоретического осмысления розыскной идеологии уголовного судопроизводства. Автор в результате исследования пришел к выводу о наличии идеологического парадокса, который заключается в том, что коллективные научные усилия по укреплению теоретических основ состязательности не приводят к осязаемым практическим результатам. Развитие законодательства свидетельствует о том, что розыскная идеология без всякого теоретического обоснования захватывает новые горизонты.

Вместе с тем, автор полагает, что подобные успехи розыскной идеологии не отменяют потребности ее тщательного теоретического осмысления, так как наличие соответствующей теории могло бы значительно усилить имеющиеся сегодня практические успехи перевода уголовного судопроизводства на рельсы справедливой технологии установления объективной истины.

Ключевые слова: розыскная идеология, теория, уголовное судопроизводство, идеология, основы.

The article is devoted to the study of the features of the theoretical understanding of the investigative ideology of criminal proceedings. As a result of the research, the author came to the conclusion that there is an ideological paradox, which is that collective scientific efforts to strengthen the theoretical foundations of competition do not lead to tangible practical results. The development of legislation shows that the search ideology without any theoretical justification captures new horizons.

At the same time, the author believes that such successes of investigative ideology do not cancel the need for its thorough theoretical understanding, since the existence of a corresponding theory could significantly strengthen the existing practical successes of transferring criminal proceedings to the rails of a fair technology for establishing objective truth.

Keywords: investigative ideology, theory, criminal proceedings, ideology, basics.

О розыскной идеологии, именуемой порой следственной или инквизиционной, сегодня в юридической литературе говорится достаточно часто. Но говорится, как правило, в критическом обличительном контексте. Причем критики и недруги этой идеологии отзываются о ней как о понятии, доступном для понимания всем и без всяких дополнительных пояснений. И подобное положение дел представляется вполне закономерным, поскольку сам термин «розыскная

идеология» и «интуитивно» соответствующее ему понятие появились в достаточно интересной идеологической обстановке.

Анализ публикаций показывает, что словосочетание «розыскная идеология» понадобилось сторонникам совершенно другой идеологической концепции — концепции состязательности. Образ розыскной (следственной) идеологии востребован был ими по большей части как образ врага, на фоне которого их собственные

© Конев А.Н., 2019

идеалы смотрелись бы ярче и привлекательнее. Но следует ли из этого, что само понятие разыскной идеологии зародилось в рамках составительного идеологического проекта? И можно ли по этой предполагаемой причине говорить о том, что это лишь специфическое контекстуальное понятие, которое хотя и содержит в себе необходимые крупницы объективного знания, все же не может передать всесторонней сути этого явления?

Представляется, что с понятием разыскной идеологии все обстоит гораздо сложнее. Оно действительно относится к разряду «интуитивных». Просто складывается впечатление, что никто пока не озадачился тем, чтобы собрать ключевые концепты данной идеологии в единую систему. Даже противники этой идеологии выбирают лишь отдельные, да и то далеко не всегда внятные моменты. Обычно все, что их не устраивает в действующих подходах законодателя, Верховного или Конституционного судов РФ, списывается на приверженность последних к инквизиционной идеологии. Типичный пример этого можно представить в цитате, в которой оценивается позиция Конституционного Суда РФ по поводу возвращения судом уголовного дела прокурору. «Такого рода правотворчество Конституционного суда РФ, — указывает группа авторов, — мы трактуем как проявление общей тенденции на возрождение следственной (инквизиционной) модели в российском уголовном судопроизводстве» [1, с. 12].

Но и у сторонников разыскной идеологии в теоретическом плане дела обстоят ничуть не лучше. Такое ощущение, что их тоже вполне устраивает «интуитивное» понятие. К позитивному понятию разыскной (следственной) идеологии юридическая наука еще только начинает подбираться. Подбираться через интересные вопросы, которые так и остались без ответа. В качестве примера можно привести вопрос о возникновении и дальнейшей многовековой экспансии уголовного процесса разыскного (инквизиционного) типа [2].

Мы попытались задаться вопросом о том, почему уголовно-процессуальная наука так неохотно берется за системное теоретическое освоение темы разыскной (следственной) идеологии. Можно было бы, конечно, отмахнуться от этого вопроса оговоркой о том, что наука вообще несильно интересуется вопросами уголовно-процессуальной идеологии. Но эта оговорка не будет справедливой. Тот факт, что в уголовно-процессуальной науке отсутствует обстоятельная теория идеологических основ уголовного

судопроизводства, еще не означает отсутствие искреннего идеологического любопытства исследователей. «Стихийный» идеологический подход встречается в научных текстах достаточно часто, а идеологических обоснований преимуществ состязательности более чем достаточно. Да и о разыскных началах уголовного процесса размышлять начинают все активнее. Поэтому причины затянувшегося отсутствия системного теоретического описания разыскной идеологии, вероятно, скрываются в другом.

Для объяснения этих причин мы выдвинем гипотезу, заключающуюся в том, что мы предполагаем, что у сторонников разыскного типа уголовного процесса не было нужды в особом идеологическом обосновании разыскной (инквизиционной) технологии. Тут же, однако, следует вопрос: а почему не было такой необходимости и действительно ли ее не было? По этому поводу есть тоже несколько версий. Первая версия опирается на хронологию развития самого феномена идеологии (в его современном понимании) как инструмента организации общественных явлений. Действительно, в тот исторический период, когда еще только зарождался уголовный процесс разыскного типа, еще не существовало метода идеологического обоснования уголовно-процессуальных процедур, как и прочих научных методов такого обоснования. Уголовный процесс разыскного типа вошел в историю человечества рука об руку с зарождающейся европейской наукой и был един с ней и по идеологическому, и по методологическому духу.

Таким образом, мысленный перенос в историческом времени в поисках гипотетических аргументов может подарить нам лишь весьма рыхлую аргументацию. Более того, хронологические рамки применительно к идеологии приемлемы лишь в том смысле, в котором само это понятие научно оформилось в среде французских идеологов. Однако, если посмотреть на идеологию как на некое социально-культурное явление, то история показывает, что человечество давным-давно не может обходиться без идеологии, и все религии по сути своей являются своеобразными идеологическими проектами. Да и до религий идеологическая функция в обществе существовала.

Признаемся, что наш порыв подвести исторические аргументы под тезис о том, что разыскной тип уголовного процесса никогда не нуждался в идеологическом обосновании (и именно поэтому отсутствует позитивное системное теоретическое осмысление разыскной

идеологии), оказался не состоятельным. Полагаем, что разыскной процесс не нуждался в идеологическом обосновании (понимаемом в современном типе этого обоснования) не по причине своих исключительных свойств и априорной значимости, а в силу совершенно иных обстоятельств.

Нужда в идеологическом обосновании типологической сути уголовного процесса существовала всегда. Однако в начале разыскного пути уголовного процесса не существовало интеллектуальной культуры такого обоснования. Но даже когда культура эта и появилась, то сторонниками разыскной идеологии она была не особо востребована. Во всяком случае, на переломных этапах исторического развития уголовного судопроизводства не было больших охотников, чтобы выступить в идеологическую защиту разыскного типа процесса. И вполне возможно, что именно поэтому без особого интеллектуального сопротивления начинает развиваться «негативная» критическая теория разыскной (следственной) идеологии.

Указанная теория тоже является своеобразным идеологическим обоснованием разыскной идеологии. Если абстрагироваться от безапелляционной и порой обжигающей критики ее разработчиков, то можно заметить полезное свойство этого научно-критического подхода — делать акценты на главных концептах разыскной идеологии. В пучине этой критики можно вполне отчетливо разглядеть структуру разыскной идеологии, хитросплетение ее видимых и латентных идеологем. В пользу того, что разыскная идеология имеет реальные истинные корни, говорит тот факт, что в признании этих идеологем сходятся и сторонники, и противники розыска, отличается лишь оценка значимости этих идей для уголовного судопроизводства.

К слову, сам поиск причин, препятствующих системному развитию «позитивной» теории разыскной идеологии, имеет существенную эвристическую пользу. Это многое добавляет и к портрету отечественного уголовного процесса в целом, поскольку сама методология «подавления» разыскных (инквизиционных) идей в разные периоды истории судопроизводства была неодинаковой. Так, в годы уставов уголовного судопроизводства Российской империи критика велась, скорее, в части технологии, а не идеологии. Ключевой концепт разыскной идеологии — объективная (материальная) истина — под сомнение не ставился. Скепсис касался способности разыскной технологии устанавливать истину. Весь этот процесс пре-

зентовался процессом злонамеренным и изначально несовершенным.

Однако даже критика самых именитых ученых-процессуалистов того времени не отменила реального воплощения основных разыскных начал в уголовном судопроизводстве. Не секрет, что разыскная идеология и методология присутствовали достаточно привольно и в дореволюционном российском уголовном процессе, выбравшем приоритетом состязательность, поскольку приоритет этот не способен был отменить типологические свойства процесса, избравшего смешанную форму сосуществования разыскных и состязательных идей.

В советский период развития отечественного уголовного процесса позитивная идеология разыскного типа процесса внешне тоже не развивалась по той простой причине, что разыскной (инквизиционный) тип процесса был объектом критики как тип, присущий уголовному процессу эксплуататорских государств. По этой причине развитие «позитивной» теории разыскной идеологии (в буквальном наименовании этой идеологии) как бы блокировалось этими историческими оценками, направленными против буржуазного типа уголовного процесса в целом.

Но почему мы делаем оговорку — «как бы»? А потому, что если смотреть на разыскную идеологию не только как на формальный элемент уголовно-процессуальной теории, а как на более широкий и многомерный феномен, то можно заметить, что разработка важнейших элементов этой идеологии все же имела место. Так, например, в советский период активно разрабатывалась теория объективной истины. А ведь именно концепт истины и составляет ключевой момент разыскной идеологии. Кроме того, активно развивалась и теория предварительного расследования, приоритеты уголовного процесса лежали в области борьбы с преступностью. Но все эти методологические устремления охватывались другим идеологическим подходом, именуемым термином «советский (социалистический) уголовный процесс». В его рамках никакой иной идеологии, и тем более разыскной, места не находилось, все было подчинено идеям коммунистического мировоззрения.

Но нам представляется, что идеология советского уголовного процесса была по большей части именно идеологией разыскной. На эту мысль нас наводит не только сама процедурная технология, закрепленная в УПК РСФСР, но и тот накал критики, который реформаторы уголовного процесса, опирающиеся на состязательную идеологию, впо-

следствии направили в сторону советского уголовного процесса. По сути, термин «советский уголовный процесс» в критических статьях приравнивается к термину «инквизиционный уголовный процесс».

В постсоветский период развития теории уголовного процесса розыскная идеология тоже не смогла вырваться из критической ауры. А.В. Смирнов совершенно справедливо замечает по этому поводу: «С 90-х годов состязательно-розыскная проблематика начинает обсуждаться в литературе. Лейтмотивом дискуссий за редким исключением являлось убеждение о необходимости преодоления розыскных начал в российском уголовном процессе и утверждении здесь состязательности. Однако отсутствие достаточно четкой и полной разработки этих понятий порой приводило к предложениям, не вполне адекватным благим намерениям самих авторов» [3, с. 5].

Теоретическая разработка состязательной идеологии со времен выхода книги А.В. Смирнова отмечалась большим количеством трудов, чего нельзя сказать о розыскной идеологии. Определенные тенденции повышения интереса здесь заметны, но теоретические результаты пока не сильно впечатляющие.

И тем не менее в обстановке такого теоретического затишья реальное воздействие розыскной идеологии (так обстоятельно и не описанной теоретиками) ощущают даже ее противники. Не случайно ярые сторонники состязательности говорят о том, что в отечественном уголовном судопроизводстве состязательность сдает свои позиции идее инквизиционности.

Указанные сторонники пытаются искать доводы в защиту их «сакральной» состязательной идеологии даже в Конституции РФ. Вот весьма показательная цитата: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ). Именно в этой конституционной норме кроется главное препятствие для законодательного закрепления понятия «объективная истина», ибо допустить обратное означало бы возможность преследовать идеологических противников («объективной истины») [1, с. 14].

Итак, мы имеем интересный идеологический парадокс. Мощные коллективные научные усилия по укреплению теоретических основ состязательности не приводят к ощутимым практическим результатам. Развитие законодательства свидетельствует о том, что розыскная идеология без всякого теоретического обоснования захватывает новые горизонты.

Но подобные успехи розыскной идеологии не отменяют потребности ее тщательного теоретического осмысления. Ибо хорошая теория могла бы значительно усилить имеющиеся сегодня практические успехи перевода уголовного судопроизводства на рельсы справедливой технологии установления объективной истины.

Примечания

1. Александров А.С., Терехин В.В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2015. № 1 (26).

2. Шуров А.Ю. Канонические и доканонические предпосылки «розыскной идеи» // Проблемы юридической науки в исследовании докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. М.П. Полякова, Д.В. Наметкина. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. С. 287—299.

3. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000.

References

1. Alexandrov A.S., Terekhin V.V. Five theses from the Manifesto of critical legal studies of Russian criminal procedure law. *Bulletin of the Volgograd state University. Series 5. Jurisprudence*, 2015, no. 1 (26). (In Russ.)

2. Sharov A.Yu. Canonical and non-canonical premises of the "search idea". *Problems of legal science in research of doctoral students, adjuncts and applicants: collection of scientific works* / ed. M.P. Polyakov, D.V. Nametkin. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2015. Pp. 287—299. (In Russ.)

3. Smirnov A.V. Models of criminal process. St. Petersburg, 2000. (In Russ.)